

Джо завели в маленькую комнату с серыми стенами, в которой кроме стола и двух стульев больше ничего не было. Охранник слегка подтолкнул заключенного в спину и, убедившись, что тот послушно сел на ближайший к выходу стул, закрыл за собой дверь. Мрачные мысли витали в голове Джо. Он отбывал наказание в этой тюрьме целых два года, и это составляло лишь одну девятую всего срока. За это время он почти забыл, каково это — быть свободным, дышать свежим воздухом и свободно общаться с другими людьми...

В голову Джо закралась безумная мысль, что его вызвали в эту комнату для того, чтобы освободить отсюда пораньше, но здравый смысл подавил эту мысль. С тех пор, как охранник вышел за дверь, прошло восемнадцать минут. Джо, хотя и привык к долгому и утомительному сидению в камере, уже устал сидеть на этом жестком стуле, и ему хотелось встать — не для того, чтобы выйти, а просто размять затекшие ноги, — как вдруг входная дверь, которая располагалась сразу позади его стула, открылась, и заключенный услышал размеренные шаги за своей спиной.

Незнакомец обошел стол и сел на стул напротив Джо. Заключенный начал разглядывать этого мужчину. На вид ему можно было дать лет тридцать с небольшим, ну максимум сорок. У него были короткие чёрные волосы и аккуратные усики под орлиным носом. Он был одет в серый и явно поношенный пиджак, под которым виднелась белая рубашка в черную клетку. Вид этого мужчины дополнял изящный чёрный галстук, висевший на его шее. Поведение незнакомца, или, скорее, то, как уверенно он держался, могло свидетельствовать о том, что ранее ему довелось служить в армии.

Джо, скучавшему в стенах этого унылого места, хватило всего двух минут, чтобы в общих чертах понять, кто сидит перед ним. Впрочем, незнакомец не спешил начинать разговор — автоматически произнес сухое приветствие, он стал молча сидеть на стуле и просто смотрел на пленника, явно чего-то ожидая. Наконец он нарушил повисшее в душном воздухе молчание:

— Итак, я имею честь видеть перед собой Джордана Тёрлоу, того самого человека, который два года и пять месяцев тому назад был приговорен окружным судом Соединенных Штатов по округу Орегон в связи с уголовным делом касательно некоей Делии Йонс? — вкрадчиво и с тихой торжественностью сказал этот человек.

Когда незнакомец закончил свое на редкость длинное вступление, Джо почувствовал, как у него внутри всё перевернулось вверх ногами. Дело было не в несколько грубоватой интонации баритона собеседника, но в том, что этот человек, которого Джо видел перед собой впервые, произнес дорогое ему имя — пускай даже оно и не было секретом для всех, кто находился в этом здании, но лично для него, двадцатилетнего Джордана Тёрлоу, эти два сокровенных слова вызвали в его организме неконтролируемое учащение сердцебиения и некоторые проблемы с дыханием, которые проходили только с течением дня. Было ясно как день, что сердечная рана оставалась свежей даже после стольких месяцев, проведенных в унылых подземельях этого бетонного гроба.

Тема, которую затронул незнакомец, заинтересовала Джо. Минутное замешательство, вызванное произнесенным именем, вскоре уступило место спокойствию и решимости. Джо подтвердил, что незнакомец не ошибся в своих догадках, внутренне понимая, что на самом деле этот человек уже всё знал заранее, если уж ему поручили беседу с ним. Поправив усы, инспектор Гэлбрайт — именно так собеседник представился заключенному — дал понять, что сейчас им двоим предстоит долгая беседа.

Полицейский попросил Джо начать рассказ о том, как тот оказался за решеткой, и в частности сосредоточиться в своём повествовании на всем, что касалось личности Делии Йонс, потому

что это послужит основой для последующего рассказа, но уже с его, Гэлбрайта, стороны. Джо спросил, почему господин инспектор вообще назначил ему эту встречу, но, получив в ответ сухое «Ваши слова, Джордан, помогут моему расследованию», он решил не терять времени и приступил к делу.

Итак, два года тому назад... Те благословенные времена для Джордана Тёрлоу имели такой ореол в его глазах, что казалось, будто ту жизнь прожил совершенно другой человек, и лишь по какой-то непонятной причине в его голову пришли чьи-то чужие воспоминания. Такое положение дел не было вызвано с течением времени — на самом деле с самого первого дня своего тюремного заключения Джо намеренно пытался абстрагироваться от все того, чем жил раньше, дабы его сердце не страдало от боли утраты. Но как бы сильно ему ни хотелось задвинуть все воспоминания подальше на чердак своего сознания, Джо, слыша это дорогое имя из уст других людей, впадал в состояние, когда его сердце готово было выпрыгнуть из груди от тоски. Делия... Он нежно произнес её имя. Оно звучало так красиво и утонченно одновременно...

Готовясь изложить интересующую инспектора информацию, мистер Тёрлоу, как он всегда делал, начал собирать в единое целое свои мысли, беспорядочно разбросанные в голове, а также попытался почувствовать, будто заново переживает события давно минувших дней. Если бы не это, ему вряд ли удалось бы связать воедино хотя бы два слова, и поэтому он, выпросив у господина инспектора немного времени — четыре минуты, если быть точным, — начал настраиваться на волну прошлого. Отбросив нелепость высокопарных суждений, Джо, казалось, застыл на одном месте — устремив взгляд перед собой, он, казалось, начал медитировать и отдал свои мысли предназначённому.

Когда Джо наконец собрался с мыслями, тишина в комнате для свиданий наконец-то была нарушена. Его собеседник, слегка размяв затекшие руки, приготовился ловить каждое слово, которое слетит с уст этого пленника...

Август того года выдался на редкость жарким. Джордан Тёрлоу отмечал, что в его районе такого раньше никогда не случалось. После смерти матери он ни разу не выезжал за пределы своего родного города Портленда, и в связи с этим Джо, который и раньше не любил путешествовать по миру, теперь уже точно прочно пустил корни в почву своего родного дома. Большую часть своего свободного времени, которое было доступно ему при выбранной им профессии культуролога, тогда ещё двадцатичетырехлетний Джо проводил, гуляя в лесу, раскинувшимся за его жилым районом.

Там он медленно, можно даже сказать, меланхолично, бродил по тропинкам со своим верным псом и, подобно поэтам-романтикам, его мысли и чувства были почти полностью отданы окружающей его природе. Моциины такого рода обычно затягивались до поздней ночи, и поэтому, когда Джо шёл домой с Буффало, последний несколько раздражал соседей своим звонким лаем, который пёс издавал по любому поводу — будь то мышь, пробегающая в кустах, или крик ночной птицы, сидящей на ветках.

Собственно говоря, из суммы всех этих обстоятельств вытекало то обстоятельство, что среди всех жителей района Паркроуз Джордан Тёрлоу имел репутацию беспринципного и ленивого гедониста, которого, как он сам порой думал, терпели только потому, что в современном мире нельзя просто так взять и сказать человеку всё, что вы о нём думаете, и в идеале задать ему крепкую трепку — ибо буква закона нависает над каждым гражданином государства, подобно дамоклову мечу, а значит, каждому волей-неволей приходится, стиснув зубы, жить в соответствии с принципами, предписанными Высшими Мира Сего...

Но в один прекрасный день перемена, произошедшая в жизни всего посёлка, казалось, перевернула весь распорядок жизни последнего отпрыска семьи Тёрлоу с ног на голову. Именно с этого момента Джо понял, что, формально говоря, его схватили за ноги и начали утягивать под землю, и даже если бы он действительно захотел этому воспрепятствовать, всё, что он мог бы сделать, это слегка ослабить хватку цепких рук этого странного чувства, называемого «привязанностью», ибо не было никакого способа остановить её намерения относительно его окончательного падения к центру Земли. От этого священного — или всё же проклятого? — момента, когда имя «Делия» навсегда запечатлелось в его сознании, фактически всю его жизнь можно было с лёгкостью разделить на два этапа — до встречи с этой девочкой и после...

Джордан Тёрлоу пропустил тот момент, когда семья Йонс переехала в его район, потому что как раз в то время он застрял на работе в центре. Так что перед возвращением домой Джо успел увидеть только самого дородного мистера Йонса — как раз в ту минуту, когда тот расплачивался со старым Харрисом Шервиндом. Джо и раньше слышал от торговцев в посёлке, что этот коренастый мужчина с невероятно хмурым выражением лица планирует переехать сюда на постоянное место жительства, но его это не особо волновало. Затем они встретились взглядами, но, не сказав ни единого слова своему будущему соседу, гориллоподобный мистер Йонс, поморщившись от отвращения, сел в свою машину, припаркованную у ворот дома Харриса, и уехал. На следующий день Джо также покинул район Паркроуз — правда, у него не было личной машины, поэтому ему пришлось сесть в автобус, который всегда курсировал по расписанию между сельской местностью и центром.

Джордан пробыл в центре около пяти дней. Там ему было где ночевать — специально для таких целей он снимал номер в самом дешевом отеле, где, конечно, не было таких удобств, как у него дома, но какая ему на самом деле разница, где ему отдыхать после не такого уж и напряженного рабочего дня? Собственно, его жизнь всегда текла подобным образом — он бездельничал в своем доме, иногда принимал звонки от своего босса и, отправляясь в центр, выполнял, по сути, бессмысленную работу, которая, однако, приносила ему ровно столько денег, чтобы мог жить — без роскоши конечно, но и бедняком Джо никогда себя не ощущал.

Проработав те пять дней, мистер Тёрлоу вышел из здания, где располагался его офис, и, ускорив шаг, направился к автобусной остановке, где, как всегда, ему нужно было сесть в автобус, который перевозил людей по уже описанному выше маршруту. Однако в тот конкретный момент машина немного опоздала, и поэтому Джо сидел на скамейке со скучающим видом, глядя на других людей, которым тоже нужно было уехать за город. В основном это были пожилые дамы, у которых были небольшие торговые точки в районе Паркроуз. Кто-то из них был с сумкой, а кто-то с корзинкой. Прошло пять минут, и Джо посмотрел на свои наручные часы — чёрт, этот водитель опаздывает уже на целых четырнадцать минут! Мистер Тёрлоу не знал, какое обстоятельство вынудило старину Мартина совершить такое, казалось бы, незначительное отклонение от правил, предписанных дорожной администрацией, но в глубине души у него было желание хоть как-то с ним поквитаться. Впрочем, Джо понимал, что эта мысль была не только совершенно бессмысленной затеей, но и тот факт, что он сам, будучи хилым и низкорослым молодым человеком, никоим образом не может конкурировать с этим бывшим спортсменом, который на старости лет решил выбрать профессию водителя междугороднего автобуса.

К счастью, когда время на часах Джо уже показывало около шести часов вечера, из-за поворота наконец-то показался знакомый белый автобус, который остановился неподалеку от остановки. Мистер Тёрлоу не спешил садиться в автобус, потому что, будучи мужчиной, к тому же молодым, он был просто обязан пропустить вперёд почтенных пожилых женщин, которые, толкая друг друга, входили в переднюю дверь автобуса. Когда последняя женщина, в которой

Джо узнал торговку, у которой он всегда покупал всевозможные принадлежности для ванной комнаты, скрылась в чёрном дверном проеме, он встал со своего места и под торопящие крики старого Мартина вошёл в переполненный салон автобуса.

Увы, торговки успели занять все места. Даже те сиденья, на которых на самом деле никто не сидел, были заняты тяжелыми сумками. У Джо не было другого выбора, кроме как провести всю поездку, держась за поручни, с которых из-за частого трения местами облупилась желтая краска, обнажив скрытую под неё блестящую алюминиевую поверхность. За большими окнами автобуса мелькали виды на раскинувшиеся возле шоссе деревья, среди которых изредка попадались одинокие постройки — как жилые, так и всевозможные кафе, магазины и тому подобные атрибуты современного американского городского пейзажа.

Мистер Тёрлоу видел всё это в миллионный раз, поэтому от нечего делать углубился в свои мысли — в такие моменты его глаза останавливались на одной точке и ничего не фиксировали. Люди вокруг него могли подумать, что у него какой-то припадок, но на самом деле его разум просто начинал уплывать куда-то вдаль от тела. Во время той поездки в автобусе предметом его размышлений был, как нетрудно было догадаться, тот факт, что незнакомый джентльмен переезжает в его родную деревню. Джо спросил себя, чего искал этот человек за городом, и что двигало им, когда, не торгуясь, тот заплатил старому Харрису Шервинду значительную сумму денег за тот двухэтажный дом, где в былые времена происходили пьяные дебоши Харриса и его друзей...

В мыслях мистера Тёрлоу возникла теория, что, возможно, этот угрюмый мужчина был семьянином, и он купил дом в глубинке с той целью, чтобы дать своей жене и ребенку — Джо почему-то был уверен в том, что у мистера Йонса есть наследник — возможность жить на природе. Но, с другой стороны, как это могло повлиять на его работу? Перед глазами Джо стоял мистер Йонс, сажающийся в неприглядный легковой автомобиль. Очевидно, этот джентльмен заключил пари со своей семьей, что они переедут из города, зная, что на личном автомобиле он сможет без каких-либо проблем ездить на работу. Мистер Тёрлоу почему-то представил себе, как этому мужчине, похожему на старого медведя, приходится вставать с утра пораньше, чтобы успеть не только позавтракать, но и добраться до своего рабочего места, которое, как был твёрдо уверен Джо, располагалось в богатом районе центра.

Мистер Тёрлоу не смог удержаться и рассмеялся над своим видением. Пожилые женщины, сидевшие по обе стороны от него, содрогнулись в унисон. Джо услышал недовольное шипение какой-то продавщицы — кажется, той, что торговала фруктами. Но ему, уставшему от этого дня культурологу, почему-то было всё равно, что подумают о нем эти необразованные клуши. Он не пытался сдержать этот внезапный поток веселья, который обрушился на него, и так он и смеялся до тех пор, пока старый Мартин внезапно не обернулся к нему и не помахал своим волосатым кулаком прямо у него перед носом. Неконфликтный — и, честно говоря, трусливый — Джо тут же перестал ржать как лошадь, а водитель, пробормотав грубые слова в адрес невоспитанного юноши, снова положил руки на руль.

Пять минут спустя автобус наконец доставил всю массу людей, спешащих домой, в их родную деревню, и мистер Тёрлоу, которому посчастливилось стоять прямо у выхода, тут же выпрыгнул из автобуса, подняв клубы пыли. Шедшие за ним торговки начали громко ругаться ему вслед, но он, находясь в весёлом настроении, которое кулак Мартина никак не мог полностью погасить, чуть ли не полетел к своему дому. Почему Джо так веселился? Действительно ли нарисованный его разумом образ гориллоподобного человека, встающего ранним утром, вызвал у него такой пароксизм экстаза? Мистер Тёрлоу не разбирался в психологии, поэтому перестал думать о собственном поведении и, отойдя на безопасное расстояние от автобусной остановки, слегка сбавил скорость.

Как бы то ни было, усталость давала о себе знать. Подходя к своему дому все ближе и ближе, озорная искорка веселья внутри Джо наконец погасла, и он, опустив голову, казалось, уже через силу заставлял себя идти вперёд. Дойдя до забора дома старого Харриса, он вдруг остановился как вкопанный. Сначала Джо сам не понял, почему это произошло — он продолжал смотреть себе под ноги, но всем телом вдруг ощутил странное чувство, как будто на него смотрела одновременно сотня человек. Ноги не слушались своего хозяина, и пару секунд Джо не мог даже пошевелить шеей. «Что за напасть?» — подумал он.

Время, казалось, замерло вокруг мистера Тёрлоу — и две секунды протянулись так медленно, словно два тысячелетия. Кроме того, он почувствовал, как жар начал распространяться по всему его телу, и казалось, что ещё немного, и его кожа, не выдержав высокой температуры, начнет плавиться. Но, слава Богу, это чувство наконец покинуло его. Джо, казалось, очнулся от кошмара и огляделся по сторонам. Солнце уже село, а тьма ещё не опустилась на землю. Птицы сидели на дереве по другую сторону дороги.

Благодаря их успокаивающему щебету, Джо смог избавиться от этой странной болезни. Он уже решил было подойти к воротам своего дома, но что-то заставило его взглянуть на дом старого Харриса. В нижних комнатах ещё не включили свет, поэтому окна первого этажа не выделялись на общем фоне дома, в то время как верхние были освещены оранжевым светом ламп накаливания. Не обладая хорошим зрением, мистер Тёрлоу уже собирался было повернуть голову назад, когда внезапно увидел маленькую человеческую фигурку в крайнем левом окне второго этажа.

Это была маленькая девочка. Было неясно, во что она была одета, потому что отсюда мистер Тёрлоу мог видеть только её голову. У неё были длинные и взъерошенные чёрные волосы, собранные в небольшой пучок на макушке. На лице юной незнакомки был намек на какое-то едва уловимое коварство. Девочка с любопытством смотрела прямо на Джо. Что её привлекло? Может быть, дело было в его растерянном виде? Джо показалось, что именно так всё и было, потому что её губы растянулись в улыбке. Как долго они так смотрели друг на друга? Мистер Тёрлоу больше не помнил этого. Но пронзительный взгляд этой пары глаз, казалось, сверлил его насквозь. Он неловко пошевелился, всё ещё глядя в окно. Маленькая девочка что-то сказала (мистер Тёрлоу не мог расслышать её слов с такого расстояния), после чего её голова исчезла из квадрата окна, все пространство в котором теперь занимали серые занавески.

Джо подошел вплотную к своей калитке и, уловив ухом лай своего верного пса, который бегал по другую сторону забора, трясущимися руками вытащил ключ и вставил его в замочную скважину. Он переступил порог и, прикрикнув на Буффало, который радостно прыгал на своего хозяина, запер калитку за собой. Положив ключи в карман, он присел на корточки и погладил собаку по голове.

— Ну, приятель, настрадался я сегодня... А у тебя как дела? — словно обращаясь к ребёнку, пробормотал он.

Буффало попытался лизнуть своего хозяина, но Джо вовремя встал и, вытирая руки о носовой платок, схватил охапку белья, которое он со вчерашнего дня развесил на бельевой веревке, и пошёл с ним в дом. У него в голове вертелись мысли о том, что он, растяпа этакий, забыл купить своей собаке что-нибудь поесть, но усталость взяла верх над всеми остальными чувствами, и в конце концов Джо направился в ванну. Там он открыл кран и, пока ванна наполнялась, аккуратно разложил высушенную одежду так, чтобы по окончании мытья она была в пределах легкой досягаемости. Затем Джо поспешно снял с себя всю одежду и, в чем мать родила, плюхнулся в свой собственный океан, который состоял из горячей воды и мыльной пены. Ему казалось, что весь стресс, который он пережил за этот день, начал

покидать его тело и уходить в воду. Отмокая в ванне, он мог наконец с чистой совестью забыть обо всех своих заботах и уподобиться в своём поведении беззаботному тюленю.

Джо продолжал лежать в уже остывшей воде, пока внезапно из соседней комнаты не донеслась трель телефонного звонка. С некоторой ленцой он начал вылезать из ванны и, надевая чистую одежду, задумался о том, кто мог позвонить ему в такое очень позднее время. Одевшись, Джо натянул на босые ноги свои любимые тапочки и пошёл в спальню. Прежде чем взять трубку телефона, который стоял на тумбочке возле двери, Джо заметил, что несколько дней назад забыл задернуть шторы на окне.

Ругая себя за свою оплошность, мистер Тёрлоу поднес телефон к уху. На другом конце провода был Джафет, его близкий друг и коллега по работе одновременно. Как оказалось, причина, по которой он звонил Джордану, заключалась в том, что, уходя с работы, он случайно перепутал папку со своими материалами с папкой Джо. Последний, пообещав на днях заскочить к другу домой (который находился в том же посёлке), закончил этот разговор и повесил трубку.

«Не очень хорошо получилось», — подумал мистер Тёрлоу, тупо уставившись на телефон. Как он мог видеть, плоды его протрации не приносили никакой пользы, а наоборот причиняли неудобства, причём не только самому Джо, но и окружающим его людям. Направляясь на кухню, он перебирал в голове варианты, чем бы занять себя, чтобы не давать своему телу повода расслабиться. Его выбор был невелик — дело в том, что спорт ненавидел всеми фибрами души, да и о физическом труде на огороде он тоже думал со злостью — из-за чего после смерти матери этот крошечный клочок земли на его участке зарос сорняками — и поэтому, доставая яйца из холодильника, Джо пришел к выводу, что, как бы сильно ему не хотелось, но выше своей глупой головы ему прыгнуть не удастся.

Зажгя газ, он начал перебирать в памяти события прошедшего дня. Утром он открыл глаза в том крошечном гостиничном номере и, набив живот какими-то дешевыми полуфабрикатами, отправился в офис, где он на автомате выполнил предписанные уставом действия — Джо заметил про себя, что даже не может толком вспомнить, чем именно занимался на работе, — после чего, отчитавшись перед своим начальником, направился к автобусной остановке. Мистер Тёрлоу пропустил в памяти фрагмент, связанный с поездкой на автобусе, и остановился на том, как его внезапно охватил жар, когда он уже подходил к своему дому.

Так что же это было? Неужели взгляд этих детских глаз действительно привел его, двадцатичетырехлетнего мужчину, к такому заболеванию? Очертания лица той маленькой девочки снова промелькнули перед его внутренним взором. Джо решил изменить ход своих мыслей и начал прикидывать, кем бы она могла быть. Пять дней назад он видел, как мистер Йонс заплатил за дом Харриса Шервинда, и теперь, как мог видеть Джо, мистер Йонс уже переехал туда вместе со своей семьей. Звучит логично, подумал Джо. Эта маленькая девочка, как нетрудно было догадаться, была дочерью нового владельца дома. Получается, он был прав насчет того, что у его нового соседа был ребёнок.

Джо испытал чувство неуместной гордости за свои «удивительные» дедуктивные способности, но он напрягся и смог подавить это глупое ощущение. Понятное дело, что люди не могут читать мысли друг друга, но мистер Тёрлоу нутром чуял, что человеческие мысли могут проникать в умы других людей подобно звуковым волнам, ввиду чего он изо всех сил старался не думать о таких вещах, которые, будь они высказаны вслух, вызвали бы как минимум пару недовольных взглядов в его сторону. Джо понятия не имел, почему в его собственном понимании мысли были подобны прозрачной стеклянной витрине магазина, за которой любой проходящий мимо мог легко заглянуть, но ему приходилось жить с этим с самого детства.

Как бы то ни было, во время той поездки на автобусе ему удалось попасть в самую точку относительно семейного положения своего нового соседа. Джо начал задаваться вопросом о том, что изменится с этого дня в его жизни. Ну, во-первых, теперь, когда он будет выходить на улицу, он будет сталкиваться с этим полным мужчиной либо на дороге, либо в магазине. Вспомнив недобрый взгляд, которым наградил его мистер Йонс пять дней тому назад, Джо ясно дал себе понять, что эта семья с высокой долей вероятности назовет его бездельником и тунеядцем. Впрочем, так думают абсолютно все, кто его знает, так что в этом не было ничего особенного — мистеру Тёрлоу не привыкать к подобному отношению со стороны окружающих.

Его больше беспокоило, как он будет вести себя в присутствии молодой наследницы своего нового соседа. Джо до сих пор помнил её взгляд — ощущение, что на него одновременно смотрела толпа из сотен людей, не могло быть приятным. Будучи по натуре довольно застенчивым человеком, концентрация внимания на его персоне со стороны других людей всегда повергала Джо в какое-то странное оцепенение, и в данном случае дело было не только в самом ребёнке — по какой-то причине мистер Тёрлоу всегда боялся детей, думая, что они обладают возможностью читать мысли взрослых, — но и в том, что эта девочка жила настолько близко от его дома...

Джо всю свою жизнь избегал смотреть другим людям в глаза — человеческий взгляд в его понимании был подобен яркому прожектору, который освещает все уголки души. В случае с дочерью его нового соседа все приняло еще более серьезный оборот. Мистер Тёрлоу мог даже поклясться, что из глаз той девочки исходили вполне осязаемые лучи... Пытаясь найти объяснение этой вечерней загадке, он остановился на копьях. Его воображение нарисовало длинные прозрачные шесты, словно вырезанные из стекла, с острыми кончиками, выходящими из глаз ребёнка.

— Да что за чушь я несу, — сказал Джо вслух, — ведь я просто столкнулся взглядом с незнакомой девочкой. Но нет же, я, простите меня, чуть не подох от этого прямо на месте ! Ну и раскис же я!

Внезапно мистеру Тёрлоу захотелось пнуть себя, ну или просто ушибиться — здесь действие не было важно, всё дело заключалось в результате — Джо твёрдо верил в то, что сильный болевой шок принесёт свой желаемый эффект. С этой целью он посмотрел перед собой — на плите стояла сковорода, накрытая крышкой. Полностью отдавая себе отчет в своих действиях, Джо протянул левую руку вперед и двумя пальцами коснулся раскаленного железа, после чего он тут же помчался в ванную, подставив обожженную руку под сильную струю холодной воды из-под крана. Он улыбнулся «Да, я преподал себе хороший урок, однако...» Кончики его мизинца и безымянного пальца были очень красными и болели. Ничего особенного, возложение каких-то несчастных пальцев на алтарь социализации было сущим пустяком.

Мистер Тёрлоу направился в спальню, заметив, что к тому времени на улице уже совсем стемнело. Он включил свет и начал искать в шкафу мазь от ожогов. Найдя заветную баночку, он окунул в нее оба пальца и, завинтив крышку, поставил мазь на её законное место. «Два, может быть, три дня рука будет немного побаливать, но вскоре всё будет в порядке», — подумал он. Но про себя он понял, что не стоит падать в обморок от того, что на него пялятся всякие малолетки. Джо рассмеялся собственной шутке и наконец-то пошёл ужинать.

Джо быстро покончил с яичницей-болтуньей — можно сказать, что он даже не утолил свой голод, но, как однажды ему сказал один знакомый врач, это было не так уж и плохо, потому что, ложась спать, лучше не наедаться досыта, чтобы не давать нагрузку своему желудку. Мистер Тёрлоу не понимал, чем переваривание пищи может помешать сну, но зачем ему спорить с дипломированным последователем учения Эскулапа? Поэтому, проглотив этот

практически диетический ужин, Джо встал из-за стола и, ополоснув тарелку под проточной водой, поставил её в кухонный шкаф и медленно пошёл в спальню, готовясь ко сну. Он успокаивал себя тем, что, в сущности, новый сосед ни в коем случае не был катастрофой, напротив, новые люди в окружении — это всегда хорошо. Поддавшись объятиям Морфея, перед внутренним взором Джо снова мелькнула пара хитрых глаз...

Он встретил следующий день совершенно другим человеком. Нет, дело было не в том, что внешность мистера Тёрлоу претерпела какие-то изменения — он по-прежнему оставался дистрофиком с чахоточной грудью, — суть заключалась в том, что в его мозгу словно щёлкнул переключатель. В тот день Джо, казалось, был охвачен эйфорией, и казалось, что всё его естество излучало энергию. За завтраком он размышлял о том, чем бы себя занять. Наметив план, по которому он будет действовать сегодня, мистер Тёрлоу покончил со своим скудным завтраком и направился в ванную, где, подставив лицо под струю холодной воды, Джо немного ополоснулся и посмотрелся в зеркало. Его непослушные волосы были растрепаны во все стороны, и в сочетании с несколько безумным взглядом он выглядел как сердитый и голодный студент. «Значит», — подумал он, — «мне следует подстричься, а то с такой причёской только людей пугать...»

Недолго думая, Джо вошел в свой кабинет, где, схватив со стола свой бумажник, на ходу сунул его в карман. Уже выйдя из дома и закрывая за собой калитку, мистер Тёрлоу вспомнил о том, что не кормил Буффало уже шесть дней подряд, если считать те пять дней, которые он провёл в центре. «Всё в порядке, приятель, я сегодня принесу тебе поесть, не забуду», — подумал он. С этими мыслями Джо положил ключ в карман рубашки и, слегка поправив волосы, отправился на прогулку в парикмахерскую, которая находилась на другом конце района Паркроуз. Однако Джордан не забыл отметить про себя, что со двора его новых соседей доносились весёлые женские крики — один голос был постарше — как он понял, это была миссис Йонс, — а второй помоложе. Обладательницу этого голоса он уже знал в лицо со вчерашнего дня.

Мистер Тёрлоу подумал о том, что женская половина семьи Йонс в это время наслаждалась своим первым днём на новом месте, и, мысленно представив себе их прогулку по двору, продолжил свой путь. Казалось, от мысли об этих двоих Джо почувствовал себя немного лучше. Не останавливаясь ни на секунду, он начал тихонько насвистывать мелодию, которая, как ему показалось, была подсказана ему пением птиц, которые сидели на том самом дереве, у которого он стоял вчера, играя в гляделки с юной леди Йонс. Так идти было веселее, и, кроме того, сосредоточившись на попытке воспроизвести птичье пение, он, наконец, избавился от навязчивых мыслей о своих новых соседях. Увлечшись этим делом, Джо не заметил, как уже подошел к жилому зданию, на первом этаже которого находилась парикмахерская. Закончив свою своеобразную арию, Джо недолго полюбовался цветущими кустами сирени, росшими возле входа, и, глубоко вздохнув, вошел в помещение парикмахерской.

В крошечном фойе, которое предшествовало самому залу, его скромную персону сразу заметил сидящий на диване парень. Это был Келси Петтипас, сын владелицы этой парикмахерской, который, собственно, и исполнял обязанности парикмахера в заведении своей матери. Увидев Джо, он вскочил, и они с клиентом пожали друг другу руки, после чего последний начал говорить Келси, что ему на самом деле нужно — всего-то лишь просто убрать лишние волосы по бокам и спереди, дабы не выглядеть на людях каким-то огородным пугалом. Парикмахер рассмеялся над этими словами клиента и приступил к делу.

Мистер Тёрлоу с интересом наблюдал в зеркале, как умелые руки Келси Петтипаса приводят его причёску в цивилизованный вид. Было настоящим удовольствием видеть, как ножницы в руках профессионала спасали Джо от колтунов, которые вызывали у него отвращение и

производили плохое впечатление на остальных людей. Несмотря на то, что Джо отмокал в ванной почти каждый день, он почти никогда не думал о своих волосах, из-за чего они, можно сказать, жили своей собственной жизнью. Джордан, сидя в парикмахерском кресле, вспомнил о том, что в детстве ему не нравился процесс стрижки, якобы из-за того, что ножницы могли случайно задеть кожу на его голове. Как бы то ни было, детские фобии наконец-то покинули его сознание...

Когда Келси Петтипас закончил свои дела, Джо, расплачиваясь с ним, спросил юношу о том, помнит ли тот, когда в последний раз он приходил к нему подстричься. Парень, немного подумав, несколько неуверенно заявил, что до этого момента он видел мистера Тёрлоу аж целый год тому назад.

— Да, кстати, у тебя сегодня кто-нибудь стригся до меня? — неожиданно для самого себя Джо решил задать вдогонку ещё один вопрос.

— Ты первый клиент за этот день, успокойся, — весело сказал Келси Петтипас, — ведь в такой ранний час мало кто утруждает себя стрижкой, — добавил парикмахер.

Мистер Тёрлоу посмотрел на часы — было без десяти девять утра. Оказывается, сегодня он проснулся немного раньше обычного... Джо вышел из парикмахерской с несколько мрачным выражением лица от нахлынувших на него мыслей. «Неужели переезд семьи с маленькой девочкой», — думал он, — «действительно так сильно изменил меня внутренне?». В этом не было никакой логики, но это произошло. Он сердито сплюнул в сторону, думая, что таким образом сможет выразить презрение к здравому смыслу. Однако случилось так, что комок слюны приземлился не на землю, но на деревянную тележку, которая принадлежала какому-то старику, который тут же начал гневно выражать молодому человеку своё недовольство, из-за чего Джо пришлось долго извиняться перед ним, но даже этот инцидент не смог заглушить сумятицу в его голове.

Вскоре старик как ни в чем не бывало покатил свою тележку вперёд, а мистер Тёрлоу, остановившись возле здания с витриной книжного магазина, задумался о том, что бы ещё ему сегодня сделать. Джо вспомнил вечерний телефонный звонок. Он должен обменяться рабочими материалами со своим коллегой, иначе возникнет неловкая ситуация... Выходя из дома, он забыл взять папку, поэтому теперь, не откладывая дело в долгий ящик, он тут же побежал к себе. Парикмахерскую и его дом разделяло довольно большое расстояние, так что мистер Тёрлоу, не привыкший к физическим нагрузкам, выбился из сил уже на трети пути. «Увы, выше головы не прыгнешь», — вспомнил он свои собственные мысли. Поэтому ему пришлось добираться домой медленным шагом, что не казалось ему хорошей идеей — потому что он чувствовал, что пока он не отдаст Джафету его папку, то эти оковы обещания никогда не спадут с него...

Через некоторое время Джо уже был в том районе, где он жил. Он отметил, что только сейчас люди начали выходить на улицу (а было уже около двадцати минут двенадцатого), и ему вдруг ни с того ни с сего захотелось пойти окружным путем, чтобы подойти к своему дому с другой стороны, не будучи замеченным новыми соседями. Но Джо вдруг вспомнил о том, как вчера вечером наказал себя за трусость, и поэтому, преодолев это глупое желание, смело направился к дому по маршруту, по которому ходил миллион раз.

Вглядываясь в лица прохожих, попадавшихся ему на пути, мистер Тёрлоу думал о том, что непременно встретит мистера Йонса или кого-нибудь из его семьи, поэтому он несколько не удивился, когда заметил, что возле ворот, окружающих участок соседа, стояли две человеческие фигуры. Издалека было видно, что одна принадлежала дородному мужчине, а

вторая — маленькой девочке. Джо, как и тогда у парикмахерской, на мгновение остановился и набрал в лёгкие побольше воздуха.

Что ж, теперь он увидит собственными глазами того самого человека, который прошлой ночью так сильно изменил его внутреннее сознание. Джо внезапно повеселел — ему показалось забавным, что на него, взрослого мужчину, произвела такое впечатление какая-то малышка. Он мог бы ещё понять, если бы какой-нибудь респектабельный джентльмен или леди могли дать такой толчок его разуму, но ребёнок, прости Господи... Когда мистер Тёрлоу добрался до отца и дочери, он уже громко смеялся. Он поймал недовольный взгляд мистера Йонса и решил, что стоит прекратить не только смех, но и движение. Джо остановился в нескольких шагах от своих соседей, прокручивая в своём уме слова приветствия.

По какой-то причине он не мог быстро придумать, как поприветствовать эту семью. Казалось, он был чем-то смущён. Они втроем постояли друг напротив друга с полминуты, и сам мистер Йонс первым решился нарушить молчание. Не в силах скрыть своего презрения к этому неуместно весёлому молодому парню, здоровяк пробормотал сквозь зубы:

— Что это за поведение? Что вы смеётесь во весь голос. Вы что, лошадь?

Было большой загадкой, обладал ли он таким чувством юмора или то была попытка поставить дерзкого молодого человека на место, но факт оставался фактом — его маленькая дочь, услышав эти слова, расхохоталась. Отец начал шипеть на девочку, чтобы она прекратила это делать, и Джо в это время наконец смог собраться с мыслями. Он подождал, пока мистер Йонс закончит отчитывать свою дочь и снова переключит внимание на своего соседа. Когда мужчина наконец поднял голову, мистер Тёрлоу немедленно разразился заранее подготовленной речью.

Джо уже не мог вспомнить, какими словами он приветствовал их, но воспоминание о том, что он получил взамен, было свежо в его памяти. Глава семьи Йонс угрюмо выслушал его приветствие и, словно делая ему одолжение, представился своему соседу. Затем он легонько толкнул дочь в плечо со словами «Ну давай, скажи ему, как тебя зовут, будь вежливой». Девочка сделала маленький шаг навстречу Джо и, взяв в руки подол своего платья и слегка наклонившись, выполнила требование отца. Как легко было догадаться, мистер Тёрлоу услышал из её уст только одно слово — Делия.

Услышав её первое слово, обращенное непосредственно к его скромной персоне, Джордана снова на мгновение охватило то странное ощущение, как будто на него были одновременно направлены взгляды сотен людей. К счастью, он быстро справился с этим чувством и, не колеблясь в своём ответе, сделал ей комплимент, что-то вроде «Очень красивое имя». Они втроем постояли так ещё пару секунд, после чего разошлись по своим делам. Мистер Йонс со своей дочерью направились к машине — очевидно, им нужно было съездить в город, — а Джо, всё еще держа в голове образ пунцовых щёчек Делии, отправился к себе домой с целью захватить папку с материалами Джафета. Ему показалось немного странным, что девочка смутилась, когда встретилась с ним в непосредственной близости от себя. Мистер Тёрлоу подстригся этим утром, так что маловероятно, что его внешность могла иметь к этому какое-то отношение. Может быть, то была её реакция на смех, который переполнял его ещё тогда, когда он подходил к ней и её отцу?

Прикрывая за собой калитку и одновременно отмахиваясь от голодного Буффало, Джо почти бегом бросился в свою комнату. Он начал искать папку. По какой-то причине у него совершенно вылетело из головы, куда он положил её вчера, и, потратив около трех минут на её поиски, мистер Тёрлоу наконец нашел предмет, который искал, на полу возле зеркала в

прихожей. Ну и напортачил он вчера — обычно он всегда аккуратно убирал вещи, когда возвращается домой... Взяв в руки слегка запыленную кожаную папку, до отказа набитую бумагами, Джо вдруг вспомнил, что это произошло потому, что, прежде чем забрать высохшую одежду с улицы, он, недолго думая, перебросил её через дверь, дабы освободить руки. Единственное, чего он не мог понять, так это то, почему дверь в дом была открыта. Неужели он, уходя на работу пять дней тому назад, забыл её прикрыть? Слава Богу, что у него была собака, которая охраняла его собственность, иначе это могло бы плохо закончиться.

Зажав папку между ног, мистер Тёрлоу плотно закрыл дверь. Затем он подошел к калитке и, окинув своего верного пса понимающим взглядом, переступил через порог. Поворачивая ключ в замочной скважине, боковым зрением он увидел, что машины у ворот дома его новых соседей больше не было. Очевидно, подумал он, фармацевт и его дочь действительно уехали в город по делам. Джо подумал, что они выехали слишком поздно — его логика подсказывала ему, что если мистер Йонс собирался прибыть на свое рабочее место вовремя, то ему следовало выехать примерно так же рано, как и самому мистеру Тёрлоу — в конце концов, чтобы добраться до центра на легковой машине, нужно потратить не менее сорока минут — автобус, ведомый стариной Мартином, ехал примерно столько времени.

Положив ключ в карман рубашки, Джо повторил про себя, что ему нужно сделать — в данный момент он должен выполнить обещание, данное Джафету, который прошлой ночью попросил его зайти к нему, чтобы обменяться материалами. Прогулка до дома друга была чуть меньше, чем до парикмахерской, но мистер Тёрлоу, зная свое тело, отказался от мысли о том, чтобы бежать, и, вытерев руки о носовой платок, он медленно направил свои шаги в сторону единственного района в своём посёлке, где когда-то давно было возведено десять многоквартирных домов. На этот раз Джо больше не насвистывал про себя. После встречи с семьей Йонс — за исключением разве что самой миссис Йонс — он пребывал в таком состоянии духа, когда у него не было никакого желания тратить энергию понапрасну. Когда он наконец подошел к третьему подъезду дома номер сто пятьдесят четыре, мистер Тёрлоу почти полностью растерял всю свою весёлость и, набирая номер квартиры друга, ждал сигнала домофона с чувством, близким к тому, с которым он встретил сегодня самого мистера Йонса с его дочерью.

Дверь открылась, и Джо почти бегом поднялся на площадку четвертого этажа. Его друг уже открыл входную дверь, и мистер Тёрлоу без особой теплоты поздоровался с ним и тут же вошел в его квартиру, которая была наполнена ароматом свежей выпечки. Джафет был несколько смущен мрачным видом своего коллеги, но, мудро решив, что если человек не в настроении, то не стоит приставать к нему с расспросами по этому поводу, принял папку из рук мистера Тёрлоу и пригласил его следовать за ним на кухню. Там он с гордостью указал на большую тарелку, на которой лежала небольшая горка песочного печенья. Джо вспомнил, что его друг любил готовить сам, и заметил, что ему повезло оказаться в гостях у Джафета в тот самый момент, когда тот только что закончил свой очередной «кулинарный эксперимент». Усевшись на стул, предложенный его другом, Джо наблюдал за тем, как Джафет наливает кипяток в чайник. Он решил, что теперь ему действительно не повредит поесть, учитывая то обстоятельство, что в его доме у него не осталось даже яиц — мистер Тёрлоу прикончил последние четыре штуки сегодняшним утром.

Дождавшись, пока заварится чёрный чай — другого Джафет не признавал из-за своего принципа любителя индийской жизни, — хозяин квартиры поделился со своим гостем рецептом сегодняшнего блюда. По его словам, он просто взбил миксером три яйца (ох, опять они, подумал Джо) и половину пакетика сахара, после чего влил в эту смесь стакан подсолнечного масла и, замесив в эту смесь побольше муки, сразу же отправил получившееся тесто в духовку, даже не пытаясь придать ему какую-либо красивую форму. Как сказал

Джафет, он поступил так потому, что было бы несколько опрометчиво тратить время на красивое оформление блюда, которое имело высокие шансы превратиться в совершенно несъедобную субстанцию по окончании запекания.

Но, как видно, боги благоволили повару-самоучке, так что его первая попытка приготовить песочное печенье получилась вполне съедобной — по крайней мере, неприхотливый в еде Джо с большим аппетитом жевал плоды кулинарных трудов своего друга, не забывая запивать их чаем, который, будь на то его воля, он с большой охотой заменил бы на кофе. Глядя на хозяина квартиры, мистер Тёрлоу заметил, что на сердце у того, казалось, полегчало — Джафет больше не был смущен внешне, как при встрече с гостем, и теперь его лицо светилось от счастья. «Насколько я понимаю», — отметил про себя Джо, — «как и для любого человека, интересующегося кулинарным искусством, для него имеет важность мнение других людей, не то что для меня...»

Джо не заметил, как от горки печенья постепенно остались одни крошки. Он всё ещё был голоден, поэтому попросил Джафета принести ему что-нибудь из холодильника. Тот, довольный оценкой своего кулинарного эксперимента, прошёл мимо гостя и, открыв холодильник, начал перечислять своему другу, чем тот мог себя побаловать. Из всего вышеперечисленного мистеру Тёрлоу больше всего приглянулись банка рыбных консервов, гороховый салат со сметаной а также сендвичи, которые Джафет, возвращаясь вчера с работы, прихватил в какой-то забегаловке, расположенной по пути домой. Взяв еду из рук своего друга и разложив её на столе, Джо прочитал надпись на упаковке этих сэндвичей — да, судя по всему, его друг Джаф решил побаловать себя какой-нибудь вредной вкуснятиной!

Хозяин квартиры, переставив выбранные его другом блюда на стол, закрыл дверцу холодильника и не отказал себе в удовольствии присоединиться к трапезе. Так они и сидели друг напротив друга, уплетая всё это кулинарное великолепие за обе щёки. Джо открыл банку тунца кухонным ножом, и они оба, вооружившись вилками, по очереди отправляли в рот жирные кусочки. Мистер Тёрлоу успел схватить последний кусок рыбы раньше, чем это сделал Джафет, и, взяв ложку, начал есть салат, пока Джаф открывал один из сэндвичей. «Тунец и после него гороховый салат...» — подумал Джо про себя. «Далеко не образцовая смена блюд, но у моего друга что, ресторан в квартире? Нет!». К тому же, в данный момент его больше волновали не какие-то правила подачи блюд, но их собственная калорийность, поэтому он, никуда не торопясь, отправлял этот салат ложка за ложкой в свой ненасытный желудок...

Хозяин квартиры уже успел доесть первый бутерброд и приступил ко второму. Третий был последним из той еды, которая оставалась на столе. Мистер Тёрлоу поставил пустую тарелку из-под салата в раковину и взял это изобретение мира фастфуда. На оберточной бумаге он увидел надпись «Курица». Посмотрев на этикетки сэндвичей, которые были куплены его другом, Джо с некоторым раздражением заметил, что, как оказалось, Джафет взял оба сэндвича с говядиной для себя. О Боже, опять эта курица... Сначала яичница-болтунья на завтрак, затем яйца в песочном тесте, а теперь и само мясо этой птицы... «Что за куриное проклятие?» подумал Джордан про себя, держа бутерброд обеими руками.

— Как самочувствие? — спросил Джафет, который ел быстрее своего неторопливого друга. — Вкусно, надеюсь?

Джо, чьи челюсти в данный момент пережевывали смесь из двух булочек, листа латука и куриной котлеты, не смог вымолвить ни слова, и только утвердительно кивнул в ответ. Лицо Джафа снова озарилось счастьем — казалось, что он был рад тому, что гостю нравилось всё, что лежало в холодильнике хозяина кватиры, а не только лишь дело его собственных рук.

— Вообще-то я взял эти бутерброды совершенно случайно, — начал рассказывать Джафет своему гостю. — Дело было так — я выхожу от босса весь на веселе, иду по улице и чувствую, что мне хочется чего-нибудь вредного. Вспомнив, что рядом с шоссе находилась закусочная, я сел на свой мотоцикл и поехал. Заметив знак, останавливаюсь, подхожу к кассе и говорю «Дайте мне два с говядиной и два с курицей», и, расплатившись тем, что нашёл в карманах, продолжаю свой путь домой. Но, уже войдя в свою квартиру, я понял, что не смогу справиться со всеми сэндвичами сразу, ввиду чего утолил свой голод только одним. Зато, — сказал он с некоторой заботой, — мне удалось накормил тебя. Дома ведь нечего есть, верно?

Уже покончив с этим изобретением рук неизвестных ему поваров, мистер Тёрлоу ответил своему другу, что да, Джаф был прав насчёт того, что у него дома были серьезные проблемы с едой.

Оглядевшись по сторонам, словно опасаясь того, что кто-нибудь мог подслушать их разговор, Джо уже собирался было рассказать своему другу о своём новом соседе, как вдруг Джафет поднял палец вверх.

— Ты только послушай, приятель, о чем сейчас пишут в газетах! — громко сказал он.

С этими словами хозяин квартиры вытащил из-под стола свежий номер «Орегоньяна».

— Джаф, же знаешь... — нерешительно сказал Джо.

Мистер Тёрлоу хотел сказать, что ему наплевать на всё, что пишут в прессе, но его друга уже было не остановить.

— «Собака заработала на колбасу», — громко объявил Джаф заголовок новости.

«Звучит как название нравоучительной истории для детишек», — подумал Джо, поудобнее устраиваясь на стуле.

— «В споре два кинолога решили выяснить, какая порода собак самая терпеливая и вызывает больше симпатии у окружающих», — начал читать друг.

— Ну что это за кинологические разборки... — пробормотал мистер Тёрлоу.

— «Чтобы решить проблему, они устроили своим питомцам испытание», — продолжил Джаф

— Слушай, ты действительно думаешь, что мне это интересно? — не удержался Джо.

Джафет опустил газету и посмотрел на него — его скрытые за стёклами очкав глаза выражали упрек, будто у наставника.

— Подожди немного, дальше будет интереснее, — сказал он и уткнулся лицом в газету.

— Ты всегда всем говоришь, что «дальше будет интереснее», — передразнил его Джо.

Владелец квартиры проигнорировал замечание гостя и продолжил чтение.

— «Мы с Камминсом решили проверить, чья собака лучше выполнит команды «Стоять» и «Сидеть», — рассказывает Нуэлл Саберлоу, известный кинолог-инструктор из Портленда», — прочитал Джаф.

«Хм, кажется, я уже слышал это имя раньше», — подумал Джо.

— «Мы оба решили оставить наших собак на целый час в Пёрл Дистрикт. Ну, шутки ради я положил рядом с ними две фетровые шляпы и табличку «ПОДАЙТЕ НА ПРОПИТАНИЕ БЫВШИМ ОХРАННИКАМ БЕЛОГО ДОМА», — после этих строк Джаф не смог удержаться от небольшого смеха.

— Такое ощущение, что это циркачи, а не дрессировщики, — уловил его тон Джо.

Но в то же время он подумал о том, что у этого Нуэлла Саберлоу было что-то общее с тем самым другом его покойной матери, который помогал ей завести собаку. С годами Джо забыл его имя, но эта экстраординарная выходка из газеты невольно заставила его вспомнить того жизнерадостного и мускулистого мужчину.

— «Победителем стал мой лабрадор Флэри — прохожие с удовольствием подбадривали галантного белого великана, который не забывал кланяться при каждом пожертвовании».

Прочитав это, Джафет поднял голову и посмотрел на мистера Тёрлоу поверх очков.

— Как считаешь, ты бы поступил так же, как зеваки с Пёрл Дистрикт? — задал он ему вопрос.

— Ну, это маловероятно, — ответил Джо, — у меня же есть своя собака, с чего бы мне вдруг отдавать деньги чужой?

— В твоих словах есть здравый смысл, — кивнул Джаф, — ибо только жители квартир без собак могут позволить себе такие расходы.

— Ну а ты бы как поступил в подобной ситуации? — мистер Тёрлоу решил перехватить инициативу и перевести стрелки с себя на своего друга.

— Я? — Джафет, руки которого были заняты газетой, нахмурился.

— Ты ведь сам живешь в квартире и у тебя нет собаки, — справедливо напомнил ему Джо.

Хозяин квартиры решил уклониться от ответа на этот вопрос и вернулся к газете.

— «За час Флэри, собака Саберлоу, заработал целых восемь долларов США, а его конкурент, грозный ротвейлер Камминса по кличке Райдер, собрал всего лишь два ничтожных американских бакса», — прочитал он.

— Я ненавижу ротвейлеров, Джаф! Ненавижу! — театрально воскликнул Джо, подражая герою из какого-то боевика.

— Ты не единственный такой в Портленде, теперь это научно доказано, — рассмеялся Джаф.

— Это был конец статьи? — спросил мистер Тёрлоу, заметив, что его друг положил газету на стол.

— Да, это была вся заметка. Или ты думаешь, что статья о каком-то дрессировщике собак заслуживает отдельной полосы?

— Это понятно, — кивнул его слушатель, — самое лучшее в этой заметке — это кричащий заголовок.

— А если убрать его, — добавил его друг, — тогда не осталось бы ничего интересного.

— Ну и зачем ты мне это прочитал? — Джо посмотрел на Джафа с некоторым упрёком.

Тот ничего не ответил, только снял очки и начал протирать их кусочком замши. Джо потянулся за газетой.

— Ты можешь взять её с собой, — небрежно сказал владелец квартиры, когда его друг взял номер «Орегоньяна».

— Нет-нет, я только взгляну, — поспешно ответил его гость, пробегая глазами по строчкам.

Первое, что бросилось ему в глаза, был огромный заголовок, под которым было указано имя автора заметки — некой Меган Хитон. Далее шёл текст, который Джаф только что зачитал ему вслух, а в самом конце статьи была чёрно-белая фотография, на которой крупный мужчина держал на поводке огромного белого лабрадора. Подпись под фотографией гласила «Нуэлл Саберлоу и его верный Флэри». Джо взглянул на этот снимок и замер, не веря своим глазам.

— Это же тот самый тренер, который помогал нашей семье с собаками! — воскликнул он, бросая газету обратно на стол.

Джаф, который уже поправил очки на носу, удивленно поднял брови.

— Что, гордишься тем, что твоих друзей упоминают в прессе? — съязвил он.

Мистер Тёрлоу ничего не ответил на это, только опустил свои глаза на линолеум, покрывавший пол на кухне в квартире друга.

— Любопытно, — продолжил Джаф, — сколько бы заработал твой бельгийский малинуа? — он имел в виду Буффало, собаку Джордана.

— Не думаю, что кто-нибудь дал бы ему хотя бы один цент, — с некоторой грустью заметил Джо, — он такой невоспитанный... — казалось, ещё чуть-чуть, и из его глаз польются слёзы.

— Его, случаем, не этот ли самый Саберлоу подогнал тебе? — улыбнулся его друг.

— Да, конечно, — высморкнувшись в рукав, с некоторым раздражением заметил мистер Тёрлоу.

— Тебя всегда все дурачат, — сказал хозяин квартиры то ли утешая, то ли насмехаясь, — а потом пишут о их успехах в газетах.

— Прекрати, — его гостю было совсем не до смеха.

Тем временем Джафет вдруг сделал вид, будто бы между ними и не было вовсе никакого разговора о собаках, и спросил своего друга с внезапной веселостью в голосе:

— Ну, ты, должно быть, был очень удивлён, когда вчера открыл папку и увидел там материалы о Греции? Лично я вчера был весьма удивлен, когда вместо материалов, касающихся Кинтии, обнаружил в своей папке листы, исписанные чужим почерком, рассказывающие о каких-то книжных бестселлерах в Мюнхене семидесятых годов.

Да, это была правда, мистер Тёрлоу получил задание от своего босса собрать материал такого рода. Задача, по сути, заключалась в сборе информации о продажах нескольких известных фантастических романов в вышеупомянутом городе за вышеуказанный временной период. В этом вопросе Джо очень помог один человек, которого за глаза называли дядюшкой Корблом.

Это был старый немец из Висбадена, который в начале восьмидесятых переехал из Германии в Америку — вернее, в Портленд — по его словам, из-за проблем с контрабандной торговлей на родине. На земле обетованной он не прекратил своих грязных делишек, а напротив, организовал книжный магазин, где — нелегально, конечно — продавал за полцены немецкие книги тем людям, которые умели читать на этом языке. Среди них, как нетрудно догадаться, был и сам мистер Тёрлоу, который в детстве более или менее изучал немецкий язык по школьной программе — и, можно даже сказать, был одним из немногих среди своих одноклассников, кто действительно преуспел в его изучении.

Собственно говоря, при поддержке дядюшки Корбла мистер Тёрлоу и начал писать своё небольшое исследование. Как ему удалось выяснить, по какой-то странной причине среди жителей Мюнхена широкой популярностью пользовалась книга неких Братьев Стругацких, длинное название которой можно было примерно перевести на английский как «Это непросто, быть богом». Мистер Тёрлоу понятия не имел, о чем могла быть эта книга, но впечатляющая цифра, стоявшая в колонке «Am Besten Verkaufen» (Список продаж), заинтересовала его в том смысле, что если уж немцы покупали эту книгу большим спросом, то почему бы ему, ленивому американцу по имени Джо не прочитать её хотя бы раз?

По совету старого немца мистер Тёрлоу, не прибегая к услугам переводчика, написал что-то вроде заявления, где указал название книги и автора, после чего отдал его Корблу, который заявил, что благодаря этой процедуре желаемая книга будет лежать на столе Джо через пару недель. Кстати, стоит заметить, что старый шакал даже не взял с него ни цента за эту операцию — видимо, дружеские отношения среди немецкого народа имели какую-то почти священную ценность, хотя, глядя на дядюшку Корбла, Джо сильно в этом сомневался...

Отбросив мысли о гордом немецком народе, Джо ответил на адресованный ему вопрос относительно папки:

— Нет, Джаф, честно говоря, я так устал вчера во время поездки на автобусе, что мне было лень смотреть на материалы — я сразу пошёл мыться. А ты отвлек меня от ванны своим звонком.

Он не смог удержаться от колкости в своей фразе, которую, по совести говоря, следовало бы сказать вчера по телефону, но тогда он был немного не в том настроении.

— Ну, извини, Джо, я же не знал, что ты варишься в кипящей воде, как цыпленок в кастрюльке, — Джаф тоже был не прочь обменяться шутками со своим другом.

— Ох, как меня уже тошнит от этой куриной темы! — в гневе крикнул мистер Тёрлоу.

Хозяин квартиры спросил своего гостя, в чем дело, и Джо вкратце изложил ему свои ранее упомянутые мысли относительно того факта, что со вчерашнего вечера он по сути не ел ничего, кроме яиц и связанных с ними блюд. Джафет пошутил, что сегодня, по крайней мере, он угостил его горохом и рыбой, но его собеседник, высказав свои переживания, замкнулся в себе и делал вид, что не слышал его слов. Джаф, заметив состояние своего друга, намекнул ему, что, возможно, ему пора возвращаться домой. Слегка вздрогнув, мистер Тёрлоу согласился с ним и, пожимая Джафу руку, хотел что-то сказать на прощание, но язык больше не повиновался ему...

Выходя из своей квартиры на лестничной клетке четвертого этажа, Джо слегка поёжился — оказывается, он даже представить себе не мог, что из-за готовки в квартире Джафета стояла такая жара, что, привыкнув к подобной температуре, он уже откровенно мерз вне её стен. Еле

передвигая ноги, мистер Тёрлоу спустился вниз и, чуть не столкнувшись в дверях с каким-то опрятным мужчиной с широко раскрытыми глазами (от страха что ли?), наконец покинул это здание.

Выйдя на улицу, он почувствовал, что погода несколько изменилась. И в самом деле, солнце, до этого ярко светившее в небе, впервые за эту неделю было спрятано за облаками. Теперь, подумал Джо, ему не придется щуриться от слепящего солнечного света, приближаясь к своему дому. Это, по сути, имеющее мало смысла обстоятельство по какой-то причине наполнило его энергией, и он побежал вперёд, как было этим утром. К своему собственному удивлению, мистер Тёрлоу не запыхался, его ноги даже не устали к тому времени, когда он преодолел весь путь и, вытащив из кармана ключ от калитки, посмотрел на крышу дома старины Харри... Извините, семьи Йонс.

Его чуткие уши уловили звук шагов по траве, доносившийся из-за соседского забора. Кто-то из женской половины — ибо сам мистер Йонс едва ли мог так легко передвигаться — прогуливался возле дома. Джо, немного поколебавшись, открыл калитку и чуть не потерял равновесие — его изголодавшийся пес упёрся своими лапами в его животу с такой силой, что если бы Джо не ухватился левой рукой за железную калитку, он неминуемо лежал бы сейчас на траве.

Похоже, что во время этого инцидента изо рта Джо вырвался какой-то забавный звук — по-видимому, приглушенный крик, — потому что по другую сторону забора, со стороны дома новых соседей, послышался хорошо знакомый ему звонкий смех, похожий на звон колокольчиков. Мистер Тёрлоу внезапно ощутил прилив стыда. Он был почти полностью уверен, что маленькая девочка ничего не могла разглядеть за плотно сбитыми досками деревянного забора, но он понимал, что сам шум возни (а также его крик — хотя он не мог вспомнить, действительно ли он издал его в тот момент) неминуемо привлёк её внимание. Нерешительно борясь с собой, он сумел совладать со своим чувством смущения и, как ни в чем не бывало, сказал своему верному Буффало:

— Ну, извини меня, приятель, я совсем забыл, что ты голодал целых шесть дней.

Потрепав собаку за ухом, он вошел в свой дом. Стаскивая с ног парадные туфли (он никак не мог привыкнуть к тому, что ношение сандалий не является признаком впадения в детство), он сказал вслух, чтобы не забыть:

— Ладно, Джо, запомни — ты должен покормить собаку, иначе дорого заплатишь за то, что не позаботился о своём защитнике!

Несколько командирский тон его собственного обращения слегка растянул уголки его губ, но внутри он не смеялся. Сейчас он хочет немного вздремнуть. Идти в спальню ему было решительно лень, поэтому Джо устроился прямо на диване, который стоял в довольно просторной кухне рядом с обеденным столом и, подложив под голову кажущийся туго запакованным мешок с мукой, вытянул ноги вперёд и, забыв обо всем на свете, отдался во власть младшего брата смерти.

Сон, который он увидел тогда, лёжа на кухонном диване, поразил его странным сочетанием милого и жуткого в равных пропорциях. Если описывать это более или менее подробно, то он увидел в нём берег какого-то моря. По песку, усыпанному ракушками виейры (морского гребешка), бегали двое детей — мальчик и девочка. Обоим на вид было лет по десять. Дети были одеты по моде, вызывающей ассоциации с Викторианской Англией. Они бежали друг за другом по песку, невольно разбрасывая его ногами. Затем они остановились рядом, и мальчик,

достав откуда-то из-за пазухи чёрный котелок — Джо вспомнил, что он был явно рассчитан на кого-то постарше этого ребенка, — подбросил его вверх. Шляпа закружилась в воздухе и попала в воздушный поток, который унес её прочь от воды. Мальчик бросился догонять головной убор. девочка осталась стоять на месте, глядя ему вслед и что-то крича — видимо, это были ободряющие слова. Вскоре фигура её друга скрылась за песчаными дюнами, которые тянулись вглубь пляжа. Маленькой девочке, очевидно, надоело стоять на одном месте, и она вприпрыжку побежала по следам, оставленным босыми ногами мальчика.

И вот именно после этого мистер Тёрлоу увидел то, что повергло его тогда в ужас — как только девочка подошла совсем близко к дюнам, оттуда внезапно выскочили четверо жутких людей — они были одеты в чёрные костюмы, длинные плащи развевались у них за спиной подобно вороновым крыльям, и у всех них, кроме одного, самого толстого, на головах были блестящие от пота чёрные котелки. Эти люди в чёрном бежали навстречу девочке неестественно медленным шагом — как будто сам мир остановился в эту секунду — и на ходу вытаскивали из-за своих поясов чёрные резиновые полицейские дубинки... Последнее, что запомнил Джо, был душераздирающий крик девочки, глазами которой он и видел всё это действо.

— Какой кошмар! — проснувшись и пытаясь унять бешено колотящееся сердце, выпалил он на всю кухню.

Сидя на диване, он вдруг почувствовал, что его щёки и волосы были покрыты чем-то похожим на пыль. Он быстро поднялся на ноги и увидел, как в воздух поднимаются плотные облака белого порошка. Джо сердито выругался — оказывается, пока он спал, мешок с мукой раскрылся и теперь ему снова придется приводить себя в порядок. Ну, ладно, думал он, для того, кто любит валяться в ванной, не привыкать к мытью, но вот что делать с мукой, рассыпанной по дивану и полу... Уборка никогда не была приоритетом в домашних делах мистера Тёрлоу, поэтому, когда он подумал о том, что рано или поздно ему придётся собирать рассыпанную муку в мешок для мусора с помощью веника и совка, ему вдруг стало немного не по себе.

Он взглянул на свою левую руку. Наручные часы, стекло которых было слегка перепачкано мукой, показывали без двадцати шесть. Надо спешить, внезапно осенило Джо. Мясная лавка закрывалась в шесть тридцать, поэтому ему нужно было как можно скорее выйти из дома, чтобы его собака не умерла с голоду. Мистер Тёрлоу зашел в ванную и взглянул на свое отражение в зеркале. Его волосы, которые он подстриг этим утром, были покрыты мукой... Джо решил не прибегать к воде, потому что если он сейчас выйдет на улицу с мокрой головой, то «приди ко мне, тётушка простуда!». Поэтому он решил проблему непрезентабельного внешнего вида таким образом — снял перепачканные мукой пиджак, рубашку и брюки, а вместо них надел футболку и шорты (которые он долгое время не вынимал из своего гардероба ввиду своих странных комплексов). После этого Джо встал над мусорным ведром и, прибегнув к помощи расчески, начал как можно тщательнее вычесывать застрявшую в волосах муку.

Посмотревшись в зеркало, он решил, что какой-нибудь головной убор пришелся бы очень кстати для его гардероба, потому что он не смог насухо вычистить муку из волос, а также ему просто не хотелось пугать людей своими якобы седыми волосами. Едва слышно ругаясь на собственную неряшливость, он снова полез в шкаф, где он смог найти старую камуфляжную кепку, явно рассчитанную на гораздо более молодого человека. Но, за неимением ничего другого, мистер Тёрлоу надел её на свою посыпанную мукой голову и ещё раз взглянул на свое отражение.